В пору моей юности, в семидесятые годы, театральных киосков на улице Горького было много. Вечером они мерцали таинственным голубым светом и столько всего обещали... Конечно, те билеты, которые висели там, покупали лишь приезжие да люди, уверенные, что на хороший спектакль не попасть. Но можно было дождаться, когда разойдется народ, и, просунув нос в маленькое окошко, интимным шепотом спросить: «А на «Таганку» что-нибудь есть?» Кассирша могла, конечно, злорадно усмехнуться: ишь, мол, чего захотели! Но чаще всего откуда-то выпархивали вожделенные билеты! Однако не спрашивайте, что после этого оставалось в моем студенческом кошельке: переплачивать-то приходилось минимум вдвое...

И вот я снова иду... теперь уже по Тверской. Театральных киосков стало меньше, и те какие-то понурые: никто возле них не толпится, кассирши скучают и ловят взгляд каждого, остановившегося рядом. А на витрине (Боже, такое не могло даже присниться!) билеты и на спектакли Любимова, и в «Сатиру», и в «Современник». Их купить можно и по доступной цене, и без интимного шепота!.. Так же потрясающе было когда-то увидеть стихи Ахматовой опубликованными. Те самые, которые мы переписывали от руки из тетрадки в тетрадку,— вот они, в книге! Но если это рождало гордость: дожили наконец-то до такой счастливой поры,— то билеты во все театры вызывают растерянность: они есть и никому не нужны...

Конечно, и сейчас в Москве идут спектакли, на которые трудно попасть, даже заплатив астрономическую сумму. И все-таки во многих залах становится все больше пустых мест. Но вот что удивительно: несмотря на это, ни один театр не закрылся. Более того, открываются новые. Не самодеятельные — полноценные профессиональные театры. Сколько их сейчас в Москве! Точно сказать, наверное, не может никто. Что же за люди туда ходят! На какие деньги живут эти театры! Чем дышат! На эти вопросы хотелось получить ответ. Из афиши «Театрально-концертная Москва» я выписала названия нескольких новых театров и пошла по их адресам.

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

ТРОЯНСКИЕ КОНИ ЧИХАЧЕВА

Этот коллектив носит имя своего режиссера — Театр под руководством Чихачева. Так же называется остановка автобуса. Театр этот находится в отдаленном районе — в Выхине. Расположен в Доме культуры булочно-кондитерской фабрики, к тому же на ее территории: вход через железную вертушку, мимо вахтера в «стакане». Какие же пьесы надо ставить, чтобы зрители пришли сюда? Смотрю на афишу: «Интердевочка», «Анжелика — маркиза ангелов».

«Зритель идет на название. О, «Интердевочка», похождения валютной проститутки, там, наверное, такое покажут! И первые семь минут мы не «обманываем» ожидания. У нас в начале есть сцена, где разгоряченная жрица любви срывает с себя блузку. И вот теперь, когда зритель в нашей власти, мы покажем ему драму исковерканной жизни»,— говорит Чихачев.

«Интердевочка» идет уже несколько лет. И все время с аншлагом. Так же популярна и «Анжелика» — яркие костюмы, пышные декорации, красивые актрисы, полтора часа сказочной, «не нашей» жизни... «У нас задача—во что бы то ни стало приучить людей к театру,— продолжает Геннадий Александрович.— Как-то мы поставили, на мой взгляд, хороший поэтический спектакль «Покой нам только снится». И что же? Публики не было. Мало ли о чем я мечтаю? Например, поставить одну редко идущую пьесу Шекспира. Но в нашем районе мы будем играть в пустом зале».

Чихачев заманивает зрителя как только умеет. Человек может не любить театр, не ходить туда, но сводить хоть раз своего ребенка, считает, нужно. А детские спектакли — это троянский конь. Путь известный: хочешь, чтобы к тебе ходили в театр, готовь себе зрителя, приучай его с детства смотреть спектакли. Но Чихачев делает ставку на ребят не только поэтому. Как выяснилось, показывая хорошие детские спектакли, можно заполучить зрителя прямо сегодня. Видя, как дети смеются, подсказывают героям, хлопают, кричат, мамы и папы нередко решаются посмотреть и вечерние, взрослые спектакли. Чихачев утверждает, что после новогодних елок до апреля он спит спокойно: проблем со зрителем нет.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

ТЕАТР ДЛЯ НЕРАЗОЧАРОВАННЫХ

Вход в зал театра «Сопричастность» — через сцену. «Ого, и не сбежишь»,—посмеиваются пришедшие на спектакль старшеклассники. «Не дрейфы! Тут запасной выход есть!» На последних минутах влетела юркая пожилая женщина, плюхнулась рядом со мной: «Не занято?» Огляделась: «Какой прекрасный зал! Сколько тут мест — пятьдесят? Восемьдесят? Я читала, такие очень популярны в Лондоне». Я улыбнулась. Надо же, я думала, такие активистки-пенсионерки, что в годы застоя ездили по всем туристическим маршрутам, смотрели все московские премьеры, читали самые последние новинки в толстых журналах, вымерли или завяли от горячего дыхания инфляции. А может, ушли на митинги. Ан нет, здесь они, все с тем же выражением на лице: «Хочу все знать!»

Свет в зале погас. А когда вспыхнул, по спине пробежала горячая дрожь: на сцене возвышались громадные фигуры в черных, похожих на противочумные, костюмах. А внизу на четвереньках стоял некий монстр в маске, отдаленно напоминающей человеческое лицо. И вот этот ток, пронзивший в первую минуту, не отпускал потом в течение всего спектакля. Шла «Отравленная туника» Н. Гумилева. Вообще мысль, что полтора часа придется слушать довольно сложные стихи, рождала не самые комфортные чувства: это всегда непросто, всегда требовало большой душевной работы. И вдруг... Стихи, звучащие со сцены, словно затягивали в омут. Когда спектакль закончился, моя соседка-пенсионерка руками всплеснула: «Как? Уже все?» А по сцене из зала шли притихшие старшеклассники, забывшие, что готовились удирать через запасной выход.

Театром «Сопричастность» руководит заслуженный артист России Игорь Сиренко, человек довольно известный. Был актером, режиссером, директором в московских театрах. И вот уже несколько лет у него свой коллектив. «Театр для неразочарованных» — так определяют Сиренко свою программу.

— Мы зря думаем, что люди отстранились от высокого искусства. Кто читал серьезную литературу, тот и будет читать, сколько бы ни стоила колбаса. Кто привык слушать классическую музыку, тот пойдет в консерваторию, какие бы политики ни стояли у власти,— считает Игорь Михайлович.— Недавно я был в книжном магазине. Люди как ни в чем не бывало подписывались на Шопенгауэра, Моруа, Ремарка. Я не верю, когда говорят: «Это сегодня никому не нужно». Кому-то, пусть немногим, нужны и поэзия, и музыка, и серьезные спектакли.

Театр, правда, ставит не только поэтические вещи. Несколько лет назад у них с успехом шла пьеса «Иосиф Сталин — трагедия вождя и народа». Сейчас полный зал собирает спектакль «Белые розы, розовые слоны» по У. Гибсону. Игорь Сиренко собирается ставить «Кориолана» и в отличие от Чихачева уверен, что зрители к нему придут. Администраторы будут продавать билеты в пединституте, в различных НИИ. И там обязательно отыщутся неразочарованные — в этом он убежден.

● *Наталья Куликина в спектакле «Отравленная туника» театра «Сопричастность».*

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

ЧОНКИН, ФРЕЙД И ПРИЗРАКИ

На «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» в театр «Лаборатория» я тоже шла с опаской. Все-таки, думала я, анекдот смешно слушать только первый раз. Оказалось, отнюдь. Театр так весело разыграл роман Войновича, что зал хохотал до стона. Не мешало даже то, что, как показалось сначала, очень уж интеллектуальные лица у актеров для такой вещи.

— Да, «Лаборатория» создавалась как театр трех «и» — интеллектуальный, интеллигентный, интересный. Но теперь я думаю, что спектакль должен быть прежде всего эмоциональный,— говорит художественный руководитель Андрей Россинский.

И все-таки «Чонкин» стоит особняком в репертуаре. «Лаборатория», как правило, берет пьесы, рассчитанные на интеллектуалов, читающих Фрейда и «крутую» фантастику. Тут «Четвертый стул» Тонино Гуэрры, сценариста фильмов Феллини, «Под созвездием Водолея» Ларса Клеберга, шведского ученого-слависта, специалиста по авангарду, «Предательство» Гарольда Пинтера, «Товарищ дьявол» — пьеса Кира Булычева, специально написанная для «Лаборатории».

В антракте я решила поговорить со зрителями. Семейная пара лет сорока: «Мы здесь живем недалеко. Вернулись с работы, дети на даче. А почему бы, думаем, не сходить в кино? Пришли в Дом культуры, а тут спектакль. Ну, театр-то все лучше, чем кино». Впереди меня все первое действие закатывался от смеха молодой парень: «Я студент МГУ. Я у них тут все пересмотрел. И кучу своих друзей притащил». Все спектакли «Лаборатории» видела и другая зрительница — интересная женщина, похожая на актрису Маргариту Терехову: «Это действительно мой театр. Я его понимаю, и он меня. А вот пригласила знакомых на «Шесть призраков Ленина на рояле» (эта пьеса навеяна картиной Сальвадора Дали), им не понравилось. Говорят, маразм. Но мне даже это интересно».

Андрей Россинский не понимает, что такое «борьба за зрителя»: «Надо просто ставить хорошие спектакли. Да, они не для всех. Но я и не хочу угодить всем. Вам понравился спектакль? Расскажите об этом двум-трем своим друзьям».

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

«ЧЕЛОВЕК» — ЭТО ЗВУЧИТ...

Попасть в театр «Человек» можно, только предварительно позвонив туда, в городе билеты не продаются. За полчаса до спектакля дверь кабинета директора не закрывается: «Я от Ивана Иваныча. Вы знаете, ему заслуженного дали», «Я англичанина привела», «Я спросила Ольгу Сергеевну, что в Москве можно посмотреть?» Она сказала: «Все самое интересное — в «Человеке». Директор театра Виталий Миллер показывает письма из посольств с просьбой выделить билеты на спектакль: «Публика у нас исключительно элитарная — дипломаты, творческая интеллигенция, интуристы». Сейчас задача театра, по его мнению, «влиться в международный театральный процесс». К сожалению, о творческом направлении поговорить не удалось. Художественный руководитель, заслуженная артистка России Людмила Рошкован, накануне давала интервью иностранному корреспонденту и посоветовала мне связаться с ним. Ну что ж... театр слишком много пережил. И теперь, добившись успеха, наверное, его режиссер вправе выбирать, с какими журналистами встречаться. Созданный Людмилой Рошкован в 1974 году, через 10 лет коллектив перешел на нелегальное положение: спектакли показывали в законспирированном подвале, зрителей пускали по заранее составленному списку. И только в 1987 году «Человек» получил официальное признание и статус государственного. Коллектив объездил с гастролями множество стран, получил массу призов на фестивалях, вырастил немало известных ныне режиссеров, артистов.

Спектаклям Людмилы Рошкован посвящают статьи известные критики в солидных театральных журналах.

Однако мне, вероятно, не повезло. В тот вечер показывали спектакль «Глава XVIII (Песни Детства и Сиротства), опыт свободной композиции». Публика на «мерседесах», правда, не подъезжала, но голые плечи кое-где мелькали. Спектакль странный — в нем не было ни единого слова. Три музыканта импровизировали на деревянных духовых, ударных инструментах и гитаре... Я честно старалась вообразить, что это все — об одиночестве человека в этом мире (примерно так сказано в буклете), но моей фантазии хватило ненадолго. Через час некоторые зрители стали покидать зал, и я душой присоединилась к ним. Однако досидела до конца и увидела, что те, кто остался, наградили артистов горячими, искренними аплодисментами. Что ж, вероятно, за годы существования театр вырастил своего зрителя — они понимают друг друга с полуслова. И этот язык не всегда доступен любому, «пришедшему с улицы».

● *Сцена из спектакля «Панночка» театра «Человек».*

...Пятый вечер был самый необыкновенный. О нем я расскажу отдельно, потому что театр «Глас» не похож ни на какие другие.

Да, они очень разные, эти новые театры.

А ЧТО ЖЕ У НИХ ОБЩЕГО?

Прежде всего все они сняли со своих афиш слово «студия», считая, что это понятие скомпрометировало себя и сейчас ассоциируется с непрофессионализмом, низким уровнем, серостью. Во многом у этих театров похожи судьбы и способы, с помощью которых они пытаются выжить.

В 1986 году был поставлен эксперимент: четырем студиям разрешили перейти на самоокупаемость и самофинансирование. Как ни странно, они это выдержали, и через два года трем из них был дан статус государственного театра. После этого начался новый всплеск студийного движения. Как существовали в то время новые театры? На пределе возможностей. Марк Розовский давал ежедневно спектакли на четырех площадках. 360 представлений в год играла «Лаборатория» — в основном на гастролях. Чихачев по всей стране возил свою «Интердевочку» с «Анжеликой», собирая огромные залы.

Но наступил 1992 год — и все рухнуло. Гастроли стали не то что невыгодны — немыслимы. Повысить цены на билеты так, чтобы хоть артистам на зарплату хватало, тоже оказалось невозможно — в эти театры перестали бы ходить зрители. Студии были обречены. И тогда некоторые из них взял под свое крыло Комитет по культуре Москвы. Сейчас у него на дотации около тридцати новых театров. Из тех, о которых я рассказала, только коллектив Чихачева не получает от комитета ничего. Остальные — по-разному: «Человек» финансируется на 90 процентов, в «Лаборатории» денег хватает только на зарплату. Если учесть, что постановка нового спектакля стоит сегодня от одного до трех миллионов, нетрудно представить, как приходится крутиться.

Юрий Юровский, директор «Лаборатории», основную ставку делает на новогодние утренники. 14—15 дней подряд артисты на сцене Дома культуры АЗЛК (здесь они снимают небольшой зальчик) играют по три детских спектакля в день. За это театр получает как раз полтора-два миллиона. Кроме того, есть у дирекции Дома культуры маленькая слабость — любят тут спектакли пышные, красивые, богатые, чтобы слава о «елках» в АЗЛК по всей Москве шла. Денег на это не жалеют. Андрей Россинский берет хорошую пьесу, вводит Деда Мороза, Снегурочку... А после Нового года спокойно изымает их оттуда — и получается прекрасный детский спектакль, который можно показывать целый год на больших площадках. Вообще жить рядом с богатым соседом выгодно. Танцевальный коллектив Дома культуры собрался за границу, дирекция попросила художника театра Ирину Балашевич придумать костюмы. За это тоже щедро расплатились с коллективом.

А вот уж кому совсем не на кого надеяться, так это Геннадию Чихачеву. Сегодня он ругает себя на чем свет стоит, что в свое время сделал ставку не на город, а на район. Теперь Комитет по культуре не берет его театр на дотацию. А районные власти деньги выделяют из аварийного фонда — если в этом месяце ничего не сгорело, никого не затопило. Получив пятнадцатого числа зимнюю сумму, шестнадцатого Чихачев идет снова просить денег. И каждый раз не знает, сможет ли он заплатить своим артистам.

Когда студии бросили в пучину рынка, надеялись, что выплыть им помогут спонсоры. И что же? «Меценатов, как известно, сегодня нет,— говорит Игорь Сиренко.— Сейчас все хотят получить что-то взамен. Лично мне нечего предложить: у меня нет ни помещений, где бы коммерсанты могли открыть свой ларек, ни актрис, которые согласились бы с ними поужинать после спектакля».

Вообще о своих встречах с потенциальными спонсорами руководители театров не могли вспоминать без содрогания. Одному из них, например, предложили деньги с условием, что он подпишет документы на сумму в десять раз большую. Чихачев четыре месяца ходил за неким директором банка, который пообещал театру помощь. До тех пор, пока не стало известно, что он спонсирует другой, более популярный коллектив.

Да, у наших капиталистов не столь нежные сердца, чтобы растаять от вида печальной актрисы, штопающей колготки. А экономических стимулов нет: отчисления на культуру по-прежнему облагаются налогом.

Однако если новые «хозяева жизни» за свои деньги хотят обязательно что-то получить от театров, то государство, дотируя коллективы, не требует ничего. Комитет по культуре не вправе вмешиваться в творческий процесс, давать оценку спектаклю. Режиссеры этому очень рады, и их можно понять.

Но... Как я уже писала, комитет финансирует около тридцати коллективов. Когда я стала выяснять, почему именно их взяли на дотацию, оказалось, что одни были просто на слуху, других — «за муки полюбили» (очень уж настрадались эти театры в прошлом), кто-то вовремя «подсуетился» — узнав, что дадут деньги, быстренько оформил все документы. Да и дружеские связи, согласитесь, имеют сегодня не последнее значение. А в результате получилось: есть коллективы, которые за сезон не выпустили ни одной премьеры. Есть труппы, которые, может, и играют спектакли, но где, когда, кому — неизвестно. (Вообще с рекламой дело поставлено из рук вон плохо: в сводной афише появляются регулярно лишь 5—6 новых театров, что идет в остальных, узнать можно лишь случайно), но это — особая тема.

Раньше народные театры обязаны были раз в два года подтверждать свое звание. Так, может, в этом есть какое-то рациональное зерно? Не хочу обидеть новые театры сравнением с самодеятельными, но все же коллективы эти молодые, там быстро все меняется. И, к сожалению, не всегда к лучшему. А с другой стороны, вдруг завтра родится очень интересный, достойный театр? Что же, ему век мыкаться на случайных подачках только потому, что вся дотация уже распределена?

Как-то во времена застоя я спросила в одном областном управлении культуры: а что, если в их городе появится яркий, интересный режиссер, соберет артистов и создаст свой профессиональный театр? На меня посмотрели более чем снисходительно. И объяснили, что существует разнарядка, по которой на столько-то тысяч жителей положено столько-то театров. Сейчас это кажется странным: кем «положено», почему, кто и как это вычислил? В каком-то городе и одного театра много: зрители не ходят, артисты «съедают» режиссера, тот пишет жалобы на директора. А в другом — жители задыхаются от «положенного» им единственного «музыкально-драматического». Сегодня, слава Богу, театров столько, сколько зритель может выдержать. Причем не в одной столице, на периферии тоже. (Недавно наша газета писала о фестивале таких театров в Челябинске — см. номер от 11 июня). Вышли из подполья студии, легализовались профессиональные коллективы, выступавшие под маркой самодеятельности, возникли новые.

Я не могу сказать про какой-то спектакль, что я видела за эти две недели: «Это гениально, бросьте все и идите смотреть». Любой из них мог появиться в любом московском «старом» театре. Но залы были полны. Так, может, на самом деле никакого кризиса нет? Просто стало больше театров?

Сейчас в Москве их более двухсот — независимых, частных, районных, муниципальных и т. д. Одни «прогорают», закрываются, другие создаются. Мне рассказывали, одна актриса продала свою квартиру, чтобы на эти деньги поставить спектакль. Увы, он не стал событием, не окупил и ничтожной части того, что было на него затрачено...

Ну как тут не вспомнить Белинского: «Любите ли вы театр?»

Нина РУСАКОВА.

ВЕЧЕР ПЯТЫЙ

«ГЛАС», ВОПИЮЩИЙ В ПУСТЫНЕ

Я застала сотрудников русского духовного театра «Глас» за чаепитием. Длинный стол с самоваром и сушками. Во главе — священник. Все, кто трудится тут,— верующие. Репетиция начинается с молитвы. Здесь собираются, чтобы читать жития святых и говорить на философские темы. А для зрителей они ставят спектакли, каких нет больше ни в одном театре. Здесь играют «Светлое Воскресенье» — о значении Пасхи для России, «Да свершится Оно» — о Храме Христа Спасителя, «Крест — хранитель» — о новомучениках российских, рождественскую сказку для детей «Это сам Христос-малютка». Каждый раз перед началом к залу обращается священник в церковном облачении. «Человеку, воспитанному в атеизме, трудно перешагнуть порог храма, хотя, может быть, он и ощущает в этом потребность. Мы стараемся помочь ему прийти к Богу через театр»,— говорит художественный руководитель Никита Астахов.

И часто сотрудникам театра (или послушникам, как они себя называют) это удается. После спектакля зрители долго не расходятся. Кто-то хочет поговорить с отцом Георгием, кто-то — с артистами. Было несколько случаев, когда, побывав в этом театре, люди решали принять крещение. Нередко предлагают свою помощь. Недавно пришла пожилая женщина: «Давайте я у вас хоть полы помою». Друзья театра распространяют билеты, поскольку городские кассы отказываются это делать из-за чудовищно низкой цены (20 рублей) и непопулярности репертуара. У коллектива нет своего помещения, поэтому после спектакля зрители оставляют свои телефоны в тетради,— их обязательно пригласят на следующее представление.

Но если со зрителями театру удается быстро найти общий язык, то этого трудно добиться в отношениях... с церковью. Там убеждены, что христианство и театр несовместимы. И «гласовцам» приходится прилагать массу усилий, чтобы зазвать людей духовного звания на свои спектакли. Познакомившись с театром, они нередко меняют свое мнение о «несовместимости». Так, недавно «Глас» получил письмо от председателя отдела внешних церковных сношений Московского патриархата Митрополита Кирилла. Он желает коллективу успехов, «а наипаче — того, чтобы москвичи и все соотечественники наши, становясь зрителями театра, соприкасались с многовековой духовной культурой православия».

«Глас» — тоже на дотации Комитета по культуре. Но денег им выделяют очень мало. «Ничего,— говорят в театре,— зато нам Бог помогает». Как иначе объяснить такие чудеса:

приходит профессиональный художник и предлагает бесплатно оформить спектакль. А потом композитор, не взяв ни копейки, пишет музыку к новой постановке. Вдруг какие-то деньги выделяет Патриархия, что-то — Клуб любителей живописи Васильева, что-то — Фонд восстановления Храма Христа Спасителя. Правда, я думаю, что директор театра Татьяна Белевич и сама не плошает. Многие не выдерживают высоких требований, которые здесь предъявляются. Это не только порядочность, железная дисциплина, это еще нелегкая жизнь верующего — с постами, молитвами, посещением храма. Но зато те, кто остается, как ни банально звучит, обретают здесь второй дом. «Я вырос в православной семье. Однако обстановка в училище, а потом в театрах, концертных бригадах не способствовала благочестию. Я все время жил двойной жизнью. И вот только сейчас в душе появился покой»,— рассказывает артист Евгений Галанов. Ядкер Мамин долго работал клоуном в цирке, выступал на эстраде, имел большие деньги: «Но здесь я получаю такой духовный заряд, который невозможно купить ни за какие тысячи».

Вообще на протяжении всего вечера, что я провела в этом театре, я не услышала ни жалоб, ни разговоров о том, как все дорого и «куда нас завели». Передо мной были гармоничные, спокойные люди, которые в любых условиях тихо, без шума будут делать свое дело. А ведь живется им несладко. Когда помощь долго не приходит, а театру срочно нужны деньги, они отдают свою и без того мизерную зарплату, оставляя 4—5 тысяч на сухари и чай. «Понимаете, все несчастья происходят оттого, что люди живут по уму, не слушая сердце. Делают то, что выгодно на данный момент. И за это наказаны. Сейчас все жалуются, всем плохо. А у нас все нормально: есть любимая работа, друзья, которые тебя понимают, и ощущение нужности того, что ты делаешь»,— говорит Никита Астахов.

А еще у театра есть мечта: создать православный центр, который бы соединял театр и церковь. «Я чувствую, после спектакля некоторым зрителям хочется исповедоваться, помолиться, поставить свечи,— рассказывает отец Георгий. — Вот бы не упустить этот момент!»

Самое интересное, в Москве есть такое здание. Стоит с тех пор, когда церкви пытались переделать в дома культуры. Странное сооружение: зал со сценой, а над ним — церковный купол. Но борьба за это здание идет не шуточная: на него претендует и Патриархия, и масса светских организаций. Услышат ли в этой суматохе тихий голос «Гласа»? Поймут ли, что это театр — уникальный и так важно его сохранить?..

...Вместе с послушниками «Гласа» мы ехали в ночном троллейбусе. Целый день дождь лил как из ведра, и пассажиры были хмурые, раздраженные. А мои спутники, казалось, не замечали ничего: они спорили, встречался ли Лермонтов с Серафимом Саровским? На них оглядывались с удивлением: откуда же такие взялись?

Н. Р.